

РОМАНЫ
САРЫ РАЙНЕР

•

Один момент, одно утро

•

Другой день, другая ночь

•

Да здравствует сладкая месть!

•

Чужое солнце

•

Две недели ожидания

•

САРА РАЙНЕР

Две
недели
ожидания

Москва
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
P18

Sarah Rayner

THE TWO WEEK WAIT

Copyright © Sarah Rayner, 2012

This edition published by arrangement with Sheil Land Associates
and Synopsis Literary Agency

Фото автора © John Knight

Перевод с английского *Н. Власовой*

Художественное оформление *Е. Анисиной*

Райнер, Сара.

P18 Две недели ожидания : [роман] / Сара Райнер ;
[пер. с англ. Н. Н. Власовой]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2017. — 480 с.

ISBN 978-5-04-089502-1

Лу получает неприятное известие. По медицинским показаниям ей следует как можно скорее завести ребенка, поскольку в будущем она уже не сможет стать матерью. Увы, она не находит понимания у своей второй половинки, что приводит к разрыву отношений. Отчаяние, депрессия неизбежны. Но когда тебе плохо, надо найти того, кому еще хуже, и помочь. Встреча с Адамом, который тоже мечтает о детях, знакомство с Кэт и Ричем спасают Лу. Их трогательные истории научат ее бороться, любить и видеть свет даже там, откуда он ушел, казалось, навсегда.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-089502-1

© Власова Н., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Вода остывает. Лу уже какое-то время сидит в ванне. Обычно она предпочитает быстрый душ и очень редко принимает ванну, чтобы понежиться и расслабиться в облаках мыльной пены. Она сооружает из пены маленькие горные пики, как в детстве. Лу смеется и делает еще два горных пика на своей груди, Эверест и К2¹.

Она скользит вперед, чтобы повернуть пальцем ноги кран с горячей водой. Она проделывала этот маневр бесчисленное количество раз: это ванная комната в квартире, где прошло ее детство, хотя теперь здесь живет только ее мама Ирэн. Мыльная пена обретает вторую жизнь под струей бегущей воды, вздымаясь волнами сахарной ваты у ног. Лу прикрывает глаза и глубоко вздыхает. Даже запах возвращает в прошлое — ландыш, любимый запах матери.

¹ Чо г о р и, больше известная как К2,— вторая в мире по высоте горная вершина после Джомолунгмы.

Уже поздно, и после долгой поездки с Озер выдавшая виды ванная цвета авокадо манила, как закадычная подружка. Лу откидывается на спину, тепло растекается по телу и расслабляет мышцы. Она прислушивается. Звуки дома так знакомы: за окном шуршит ветер в листве деревьев — она так скучает по шуршанию листвы, рядом с ее квартирой в Брайтоне нет никаких деревьев. Раздается жалобное уханье совы, но не такое хриплое, как крики чайк. Лу слышит низкий мужской голос. Ее мать смотрит телевизор. Лу представляет Софию, развалившуюся на покрывале в соседней комнате и листающую воскресное приложение к журналу. Она, фыркнув, отвергла газету, которую выписывает Айрин, не в силах вынести политических симпатий этого издания.

Лу хотелось бы, чтобы София была сейчас вместе с ней в ванной. Она примостилась бы на корзине для грязного белья и болтала бы, но Ирэн нервничает, когда сталкивается с интимностью любого толка. Лу сомневается, что мама вообще разрешала отцу садиться рядом, пока тот был жив. Проявление чувств между Лу и Софией особенно напрягают мать Лу, поэтому они стараются не выказывать никакой нежности в ее присутствии.

Лу меняет позу. Пена дрейфует к стенке ванны, приоткрывая небольшой купол живота, «горшочек», как называет его София. Лу переживает, что ее живот не такой упругий и плоский, как у Софии, хотя из них двоих спортом занимается именно Лу. Остальные части тела более или менее в тонусе, но

как бы Лу ни выкладывалась на тренировках, «горшочек» остается при ней. Более того, он, похоже, даже растет.

Как странно, думает Лу, живот какой-то неровный. Одна половина ближе к лобку отличается от другой.

Может, она просто неровно лежит. Лу ерзает, аккуратно ставя ноги рядом с краями, чтобы убедиться, что она лежит симметрично. Теперь еще заметнее. Слева какая-то выпуклость.

Мелькает тревога.

Не глупи, уговаривает себя Лу, наверное, ты что-то съела. Но желудок расположен куда выше, ближе к грудной клетке, вряд ли она на ужин проглотила жареную картошку целиком.

Может, мне просто нужно в туалет? Звучит неубедительно, и Лу нажимает на непонятную выпуклость кончиками пальцев.

Хмм. Она что-то и впрямь чувствует под кожей. Нажимает с другой стороны. Это нечто здесь кажется мягче и податливее. Наверное, угол другой, она ведь ощупывает себя правой рукой. В ход идет левая рука. Теперь она даже ощущает форму — это что-то круглое, как апельсин.

Дыши глубже. Не паникуй.

Она лежит еще несколько минут, пытаясь критически проанализировать случившееся.

Затем Лу выскакивает из ванны, даже толком не вытершись, и бежит в спальню, завернувшись в

полотенце. Ей наплевать, что в коридоре она практически голышом может столкнуться с матерью.

София лежит в кровати и слушает айпод. Темные локоны собраны в хвостик на макушке, ботинки на шнуровке валяются посреди комнаты, а толстовка слегка приспущена с плеча. Лу жестом просит выключить музыку.

— Кажется, я обнаружила у себя опухоль, — заявляет она. Нет смысла смягчать формулировку.

София садится и вытаскивает наушники.

— Si? Да?

Лу повторяет, а потом показывает:

— Вот!

— В твоём горшочке?

Лу кивает. Она надеется, что её девушка сможет придумать какое-то рациональное объяснение. Но почему София должна лучше разбираться, чем сама Лу, она ведь веб-дизайнер, а не врач.

— Видишь? — Лу поворачивается и сбрасывает с себя полотенце.

София изучает её живот.

— Ммм... нет.

— Одна сторона больше другой.

Лу переминается с ноги на ногу. Хотя они с Софией были вместе обнаженными бесчисленное множество раз, но от волнения Лу смущается. София присаживается на корточки и крутит головой, чтобы хорошенько рассмотреть.

— А мне кажется, одинаковые.

— Вот. — Лу берет руку Софии и ведет по своему животу. — Нет, не так... так ты ничего не почувствуешь. Надави сильнее.

— Тебе будет больно.

— Хорошо, давай я лягу.

Лу растягивается на пушистом покрывале. Она все еще влажная после ванны, но это не имеет значения.

— А теперь посмотри отсюда, — велит Лу и тянет Софию за рукав. — Так, словно ты — это я.

София приседает и кладет подбородок на плечо Лу. Волосы скользят по щеке подруги.

— Вот. Видишь?

* * *

Кэт оказалась в ловушке другого мира, потерялась в огромном здании. Ей отчаянно хочется оказаться хоть где-то, и побыстрее. Времени слишком мало — это гонка наперегонки с часами, — но на пути целые полчища людей, которые двигаются безнадежно медленно.

— Мне нужно пройти вон туда. — Она пытается что-то объяснить окружающим, проталкиваясь сквозь толпу, но никто не внемлет ее просьбам. Вместо этого люди пялятся на нее, бледную и некрасивую, или поворачиваются спиной, не желая уступить дорогу.

Наконец она пробивается к проходу, который охраняет человек в белом халате. Наверное, он сможет помочь. У него в руках папка с зажимом для бумаг,

судя по виду, какой-то доктор — стетоскоп болтается на шее.

— Я должна успеть, — умоляет она. — Это ужасно важно, это...

Ей хочется сказать, что это вопрос жизни и смерти, но слова застревают в горле.

Он преграждает дорогу:

— Боюсь, уже слишком поздно.

Кэт, охнув, дергается и просыпается. Сердце глухо колотится. Несколько мгновений уходит на то, чтобы прийти в себя, понять, что она в безопасности в своей комнате. Кошка лежит рядом с подушкой, она частенько так делает, между портьерами у изножья кровати виден просвет — все как обычно. Кэт прижимается к мужу, ощущая грудью и животом гладкость его спины. Она пристраивается к изгибу его тела, пытаясь успокоиться, но старается не потревожить его. В комнате прохладно, и рука у Кэт холодная. Она засовывает и ее под одеяло, вдыхая приятный аромат, исходящий от кожи мужа, слегка медовый с лимонной ноткой. Она ощущает под пальцами мягкие завитки волос на его груди. Он дышит глубоко и медленно, дыхание кажется таким же солидным, как и он сам. Постепенно паника отступает. Наверное, она просто волнуется из-за предстоящей поездки.

И тут звонит мобильник Рича рядом с кроватью, безумно гудит и вибрирует. Муж дергается под ее рукой.

— Черт побери, это уж слишком громко, — раздражается она.

— Прости. — Рич выключает телефон. — Я беспокоился, что мы проспим. — Он еще толком не проснулся. — Мне приснился такой странный сон...

— И мне, — говорит Кэт.

Она собирается рассказать ему про кошмар, и тут муж произносит:

— Мне приснилось, что Эми Уайнхаус¹ на нашей кухне загружает посудомойку.

— Правда?

— Да... Она была в одном из этих своих маленьких платьишек в обтяжку, с высоким пучком... и укладывала тарелки. Очень странно.

— Бред, — выносит вердикт Кэт.

— Ну вообще-то... — он хихикает. — Разве ты знаешь кого-то, кому не снятся странные сны?

— Да, никто не просыпается и не говорит: «Ох, мне снилась такая банальщина...» — Кэт смеется. Спасибо Ричу за то, что он ее развеселил. Она откидывается на простыни.

— Давай вставать.

Обычно они пробуждаются постепенно. Кэт использует беруши, чтобы не слышать, как Рич время от времени храпит, а он просыпается под приглушенную болтовню радио, толкает ее в бок, и они еще какое-то время дремлют, прежде чем встать и пойти

¹ Эми Джейд Уайнхаус (1983—2011)— британская певица и автор песен, известная своим эксцентричным поведением.

на работу. Но не сегодня. Самолет вылетает через три часа, а им еще добираться до Манчестерского аэропорта из Минвуда, а это больше пятидесяти миль. Они надевают на себя одежду, приготовленную с вечера, Рич залпом выпивает чашку кофе, а Кэт — чай, а потом Кэт кладет еду для кошки.

— Пока что ни намека на восход, — говорит Кэт, пока они волокут чемоданы по лестнице перед входной дверью. На календаре середина декабря, через несколько дней будет самая длинная ночь в году. Ричи запикивает чемоданы в багажник, а Кэт забирается на пассажирское сиденье. На лобовом стекле морозные узоры. Рич счищает лед рукой в перчатке, пока жена ждет его внутри, выдыхая облачка белого пара.

— Готово, — сообщает он, садясь в машину, заводит мотор, поворачивается к жене и широко улыбается. — Поехали!

Кэт помахала на прощание их веранде из красного кирпича, пока Рич маневрировал по выбоинам, которые стали еще глубже после череды холодных зим, и выезжал на Гроув-лейн. Они не проехали и полмили мимо местных магазинчиков на Отли-роуд, как вдруг Рич резко тормозит. Хорошо, что сзади нет других авто. Он разворачивается к ней лицом:

— Ты покормила Бесси?

— Да, и оставила ключи твоей сестре. А теперь поехали, а то опоздаем.

На кольцевой дороге, где обычно машины движутся плотным потоком, странным образом тихо,

пока они едут мимо складов и цепочки гостиниц прочь из города. И вот они уже мчатся вдоль Пеннинских гор. Такое впечатление, что трасса М-62 никогда не спит. Сейчас и шести утра нет, а грузовики уже с грохотом проносятся по крайней полосе, из-под их колес летит снежная крупа, оставшаяся с ночи. Их хетчбэк кажется маленьким и хрупким. Кэт ощущает, как ветер бьет по крылу автомобиля. Она протирает запотевшее окно, чтобы выглянуть наружу, и видит коттедж на отдаленном склоне, кажущийся бледным пятном на фоне темного вереска. Интересно, кто там живет, рядом с торфяником, не одиноко ли им без соседей? Она пытается представить собственную жизнь вдали от города, их маленького домика, магазинов и парка, вдали от всех. Наверное, это хорошо в плане творчества — ей станет так скучно, что придется себя хоть чем-то занимать, — но она будет жаждать компании и скучать по друзьям.

Кэт протягивает руку к Ричу с благодарностью за его присутствие, гладит его по загривку, там, где волосы мягкие, как пух, и уже начинают сесть. Рич ненавидит свою шею, считает ее слишком толстой, и из-за этого он выглядит тупым, как бы Кэт ни старалась убедить его, что это мужественно.

— Она едва ли не больше, чем моя голова, — заявляет муж.

Рич словно бы читает мысли Кэт, смотрит на нее и улыбается. Кэт нежно улыбается в ответ, а потом опускает зеркало на солнцезащитном козырьке, чтобы посмотреть, как она выглядит.

Наконец-то волосы стали нормальными. Сначала они росли совсем другими: такого же мышинового цвета, но более волнистыми и густыми. Маленькое утешение за все, что Кэт пришлось пережить. Но теперь они стали такими, как и всегда: тонкими и непослушными. Ей приходится коротко стричься «каскадом» — никакую другую прическу волосы не признают. Тем не менее Кэт довольна. Она снова похожа на саму себя. Однако кожа все еще остается пепельно-серой, а глаза отчасти утратили блеск. Она кажется старше. Выглядит измученной.

Она надеется, что поездка пойдет им на пользу. После цунами эмоций, накрывшего их в последние два года, оба заслужили этот отдых.

Кэт думает о горах, которые вот-вот увидит, об ослепительно-белом снеге под ослепительно-голубым небом. Внушительные пики, солнце, кристально чистый воздух...

Ее тут же охватывает восторг. Скоро Рождество, потом Новый год, и она сможет помахать ручкой этим отвратительным двенадцати месяцам навсегда.

— Мы едем в отпуск! — восклицает она и хлопает в ладони.

* * *

Лу борется с желанием разбудить Софию. Сейчас пять утра, и это несправедливо.

Хорошо говорить, что мне нужно успокоиться, думает она. Если бы переключиться было так легко.

Она перекатывается на спину, приспускает пижамные брюки и проверяет живот. Ей кажется или живот стал мягче? Хотя, может, она просто намяла его постоянными ощупываниями.

Накануне вечером они рыскали по Интернету в поисках возможных диагнозов. София настаивала на менее драматических вариантах (включая банальное раздражение и запор), но Лу все еще была убеждена, что это кое-что похуже. Они даже размышляли, не позвонить ли им на горячую линию медицинской помощи, но решили, что уже слишком поздно, да и состояние не критическое.

— Давай уже ляжем в постель, — велела София. — Утром позвоним доктору и запишем тебя на прием в самое ближайшее время.

Итак, Лу лежит на одном из двух диванов, как настояла мать. Сейчас Ирэн превратила их дом в мини-отель, и им выделили гостевую комнату, хотя мать не принимала постояльцев на рождественские каникулы и за стеной находился куда больший по размеру номер на двоих с одной кроватью.

— Твоя мама — привет из пятидесятых, — простонала София. — Даже в Испании большинство матерей не такие строгие. Она что, думает, что это помешает нам заняться сексом?

— Ей не придется признавать, что мы этим занимались, — ответила Лу.

Над склонностью Ирэн отрицать очевидное можно было бы посмеяться, но в результате многие